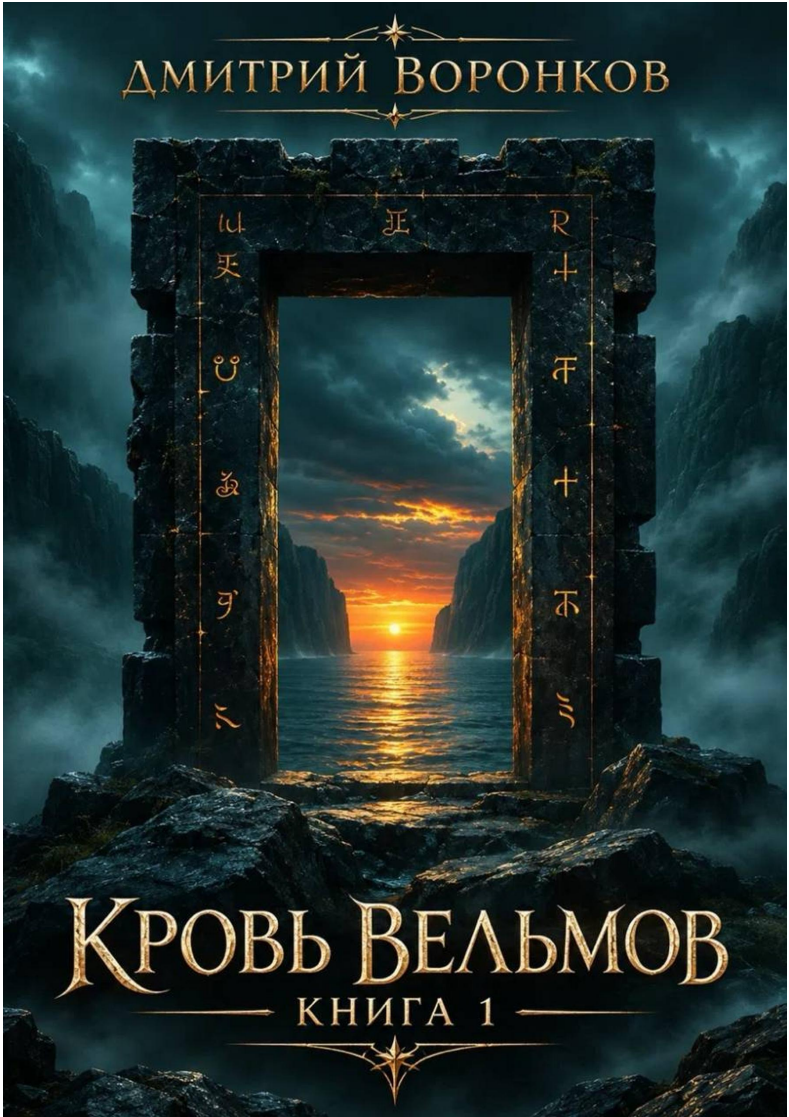

Дмитрий Воронков
Кровь Вельмов
Книга 1

Дмитрий Воронков

Кровь Вельмов. Книга 1. Котёл

https://litres.ru/74730898
SelfPub; 2026

Аннотация

Вельгард — академия магии, построенная на скале Клык 430 лет назад. Семь факультетов, множество тайн и сто девять человек, которые бесследно исчезли за годы существования академии.

Адриан Вельм — последний из опального и древнего рода. Он поступает сюда, чтобы узнать правду о деде, пропавшем на последнем курсе. Но чем глубже он копает, тем яснее понимает: его кровь — не просто наследство. Это ключ.

Тёмное фэнтези о цене силы, о друзьях, которые могут оказаться врагами, и о том, что доверять нельзя никому. Даже тем, кто спасает тебе жизнь.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 22
Глава 3 51

Дмитрий Воронков
Кровь Вельмов.
Книга 1. Котёл

Глава 1

ГЛАВА 1: «Прибытие»

Поезд опоздал на три часа.

Машинист решил, что «магические рельсы — это скучно», и свернул на запасной путь, чтобы посмотреть на озеро. Озеро было серым, как и всё в это время года. За окном тянулись серые поля, серые деревья, серое небо. Изредка мелькали деревни: кривые заборы, дети, которые смотрели на поезд и не махали.

Адриан сидел у окна, положив саквояж на колени — потемневший от времени, как и всё, что у него было. Их род был древним и могущественным в далёком прошлом, но время свело всё на нет. Сейчас их состояние было скудным; оплатить учёбу в самой престижной академии магии, Вельгарде, конечно, смогли, но это был удар по финансовому положению семьи.

Он думал о предстоящем обучении. Вельгард — могущественная школа, одна из самых сильных по уровню подго-

товки магов всех направлений. Жаль, что Вельмы давно не заканчивали обучение в нём. Дед Адриана — Аластер Вельм — пропал без вести на последнем курсе. Он уже был женат, и у него был сын — отец Адриана. Его пропажа была настолько окутана тайной и слухами, что его старались не упоминать в семейных разговорах. А среди знати ходило мнение, что именно из-за него дом Вельмов начал приходить в упадок.

Единственное, что у Адриана было от деда, — это старый фамильный перстень, который передавался от отца к сыну. Но отец Адриана погиб, поэтому перстень достался ему.

Он достал перстень из-под рубашки, сжал в кулаке. Тёмное серебро, герб Вельмов — стёртый, почти неразборчивый. Тёплый, как будто живой.

— Вельгард! — крикнул кто-то в вагоне. — Скоро!

Адриан посмотрел в окно. Скала Клык торчала из тумана, как сломанный зуб. Слишком острая для простого здания, слишком живая для простой скалы. Наверху горели огни. Академия.

Он спрятал перстень обратно, под рубашку, ближе к сердцу.

Поезд остановился с шипением. Двери открылись, и толпа первокурсников высыпала на платформу — каменную, старую, с магическими фонарями, которые гудели тускло.

Адриан вышел одним из последних. Саквояж в руке, плащ

на плечах.

Вокруг были сотни студентов. У одних — перстни с гербами, дорогие чемоданы, слуги за спиной. Они смеялись громко, держались вместе и смотрели на остальных свысока. У других не было ничего: простая одежда, дешёвые сумки, злость в глазах или страх.

— Стипендиаты, — сказал кто-то за спиной Адриана.

Он обернулся. Парень с длинными руками, тоже первокурсник, смотрел на бедных с презрением.

— Что?

— Стипендиаты, — повторил парень. — Учатся за счёт академии. Бесплатно, потому что сами не могут заплатить. Их берут за способности. Но они не из нашего круга.

— И что?

— А то, что с ними лучше не связываться. — Парень усмехнулся. — Они завистливые. Злые. И готовы на всё, чтобы остаться здесь.

Адриан ничего не сказал, но запомнил.

Слово «стипендиат» он уже слышал. Дома, от матери — с презрением. Или с завистью? Он не понял тогда.

Стипендиат — это тот, кто не платит. Кого терпят. Кого не любят. Но кто может быть лучше их всех — если выживет.

Адриан посмотрел на свой саквояж — старый, потёртый, как он сам. Он не был стипендиатом, но и не был богатым. Он был где-то посередине; возможно, этот вариант был хуже всех.

— Вельгард! — крикнул кто-то. — Ворота открыты! Добро пожаловать в лучшую академию магии в известном мире!

— Вот и проверим, — пробормотал Адриан.

Он подхватил саквояж и пошёл к воротам.

Ворота были огромные, кованые, с шипами. Наверху — герб академии: две перекрещенные молнии и ворон, держащий в клюве звезду.

— Ворон, — пробормотал Адриан. — Символично.

— Эй, осторожно!

Адриан обернулся. Слишком поздно. Здоровяк с чемоданом размером с гроб едва не снёс его с ног. Чемодан грохнулся на камень, здоровяк охнул.

— Ой, — сказал он. — Прости. Я не вижу, что там внизу. Я — Гром. Гром Бартоломью.

— Адриан Вельм.

— Вельм? — Гром нахмурился. — Это который род?

— Тот самый, — сказал Адриан. — Который все забыли.

— А. Бывает. — Гром пожал плечами с искренним добродушием. — У меня дед тоже был знаменитый, а теперь про него только в книгах пара упоминаний осталась. Книги — это скучно.

Он наклонился, чтобы поднять чемодан, и в этот момент кто-то врезался в него сзади. Девушка. Тихая, с косой, в зелёном платье. Растерянная.

— Ой! — она отшатнулась. — Простите. Я не хотела. Я засмотрелась на скалу. Она такая... большая.

Гром покраснел. Сразу. До корней волос.

— Ничего, — сказал он слишком громко. — Всё нормально. Я — Гром. А вы?

— Ива, — сказала девушка.

Она улыбнулась — тихо, добро. И в этот момент Адриан заметил: в её волосах, у самого виска, проклюнулся маленький белый цветок. Это было похоже на татуировку серебристого цвета, но цветок явно был живым. Он дрожал, как будто от ветра. Но ветра не было.

— Ива, — сказал Адриан. — Вы тоже первокурсница?

— Да. — Она кивнула. — Я надеюсь попасть на Природу. После Распределения. Если возьмут.

— Возьмут, — сказал Адриан, не отрывая глаз от цветка, и попытался улыбнуться.

Ива посмотрела на него удивлённо, потом улыбнулась. Цветок в её волосах чуть увеличился, раскрылся на пол-лепестка.

— Спасибо, — сказала она. — Но Распределение всё решает. Само.

— Знаю, — сказал Адриан. — Но я думаю, вам подойдёт.

Гром посмотрел на него с благодарностью, Ива — с интересом.

— Мы идём к воротам, — сказал Адриан. — Пойдёте с нами?

Ива посмотрела на него, потом на Грома, потом снова на него.

— Пойду, — сказала она. — Если не помешаю.

— Не помешаете, — сказал Адриан.

Гром выдохнул с облегчением, так, будто Адриан только что спас ему жизнь. Они пошли к воротам втроём: Гром нёс чемодан, Ива шла рядом, Адриан — чуть позади. Он смотрел на них. Гром украдкой поглядывал на Иву, Ива смотрела вперёд, но улыбалась.

Адриан подумал: «Он ей нравится. Или понравится». И впервые за этот день улыбнулся искренне.

У входа их уже ждали. Куратор — высокий, худой, с тёмными волосами в небрежном хвосте и мятой серой форме. В пальцах он вертел монету, не глядя, как будто она была частью руки.

— Первокурсники? — спросил он, не поднимая глаз. — Поздравляю. Вы попали в лучший семестр своей жизни. И, возможно, последний.

— Что? — пискнул кто-то из толпы.

— Шутка. — Куратор подбросил монету, поймал. — Или нет. Я Рэн Рейвен, ваш куратор на ближайшие полгода. Если потеряетесь — я не виноват. Если умрёте — тем более. Если влюбитесь — приходите, я дам совет. Плохой, но бесплатный.

Он подмигнул кому-то из девчонок в задних рядах.

Адриан посмотрел на него внимательно. Что-то в Рэне было не так. Слишком быстрый взгляд, слишком много шуток, слишком мало искренности.

— А теперь слушайте, — сказал Рэн, и монета замерла в пальцах. — Вы все — первокурсники. Первый семестр — Котёл. Общий курс, без деления по факультетам. Вы будете учиться все вместе.

Он обвёл толпу взглядом.

— В конце семестра — Ритуал Распределения. Оно решит, кто вы есть. И кем останетесь.

Один из студентов, щуплый парнишка, поднял руку.

— А какие факультеты?

Рэн усмехнулся.

— Неужели кто-то приехал сюда без банального представления о Вельгарде? Не буду запоминать твоего имени — скорее всего, до Распределения ты не дойдёшь. Факультетов семь. — Он начал загибать пальцы. — Разрушение. Для тех, кто любит ломать. Иллюзия. Для тех, кто умеет врать. Исцеление. Для тех, кто хочет спасать. Природа. Для тех, кто любит цветы и волков. Проклятия и руны. Для тех, кто хочет знать, как всё сломать одним словом. Тень. Для тех, кого не видно.

Он загнул седьмой палец, посмотрел на свою руку, потом — на толпу.

— И Смерть. — Он усмехнулся. — Ну, это для самых от-

чаянных, я считаю.

Кто-то нервно засмеялся. Рэн не улыбнулся.

— Серьёзно, — сказал он тихо. — Туда идут те, кому нечего терять. Или те, кто уже потерял.

Он замолчал на секунду, другую. Адриан заметил, как монета в его пальцах остановилась. Потом Рэн тряхнул головой и улыбнулся снова.

— Но вам это не грозит, — сказал он весело. — Вы же не отчаянные. Вы первокурсники. У вас всё впереди.

Он подбросил монету, поймал, убрал в карман.

— Семь факультетов. Семь путей. Но пока вы все в Котле. Варитесь, привыкаете. И не забывайте: Котёл — это не просто название. Это правда. Здесь всё кипит. И иногда выкипает.

— А теперь идите. Ваше общежитие — номер семь. Не благодарите.

Он ушёл быстро, как будто его и не было. Гром посмотрел ему вслед.

— Он всегда такой… странный?

— Надеюсь, что нет, — сказал Адриан.

Они шли долго. Двор сменился узкой тропой, тропа — каменистой лестницей, лестница вывела к серому зданию. Общежитие номер семь стояло на краю кампуса: три этажа серого камня, узкие окна, плющ, который давно умер, но ни-

кто не удосужился убрать. Входная дверь скрипела так, будто её смазывали в последний раз лет сто назад. Внутри пахло пылью, воском и чем-то ещё — сладковатым, как застоявшееся вино.

— Мрачно, — сказал Гром.

— Зато тихо, — сказала Ива.

Адриан ничего не сказал. Он смотрел.

Лестница была винтовая, каменная, стёртая в центре сотнями ног. На стенах висели портреты выпускников. Многие смотрели с презрением или скукой, один — с явным удивлением, будто его застали врасплох.

Коридор третьего этажа был длинный и тёмный. Светильники — магические, но слабые; они давали больше теней, чем света. Двери — тяжёлые, дубовые, с номерами. Комната Адриана — в самом конце.

Он открыл дверь. Внутри никого не было. Пусто. Две кровати, стол, два стула, шкаф. На подоконнике — свеча в глиняном черепке. Из окна открывался вид на скалу Клык — серую, отвесную, с трещинами, которые в сумерках казались венами.

Адриан шагнул внутрь. Следом вошёл парень — худой, нервный, с глазами, которые смотрели куда угодно, кроме людей.

— Ты... — Парень сглотнул. — Ты мой сосед?

— Похоже на то.

— Отлично. Хорошо. Прекрасно. — Парень нервно вце-

пился в край кровати. — Я Тимоти. Тимоти Лэнго. Я слышу эмоции. Как шум. И сейчас здесь очень шумно. Не в смысле громко. В смысле... много.

Адриан молча поставил саквояж.

— Я привыкну, — сказал Тимоти. — Наверное. Или умру. Пятьдесят на пятьдесят.

— Оптимистично.

— Я реалист.

Дверь распахнулась. На пороге стояла девушка — рыжая, наглая, с улыбкой, которая говорила «я знаю, что вы обо мне подумали, и вы правы».

— Привет, соседи! — сказала она. — Я Лиза. Лиза Верд. Я живу напротив.

Она шагнула в комнату и потянула носом.

— Чем это у вас пахнет? — спросила она. — Вяленым мясом?

Тимоти нахмурился.

— Нет у меня никакого...

Лиза щёлкнула пальцами. Незаметно. Едва заметно.

Сумка Тимоти — закрытая, застёгнутая — чуть дёрнулась. Из бокового кармана выскользнул свёрток, подлетел к руке Лизы. Она поймала его и развернула.

— Ага! — сказала она торжествующе. — Вяленое мясо. Домашнее. Ты сам делал?

Тимоти побледнел.

— Отдай.

— Поздно. — Лиза откусила кусок. — Съела.

Она прожевала, проглотила и улыбнулась.

— Неплохо. Мама твоя готовила?

Тимоти ничего не сказал, но его лицо сказало всё за него. Лиза подмигнула Адриану.

— А ты симпатичный, — сказала она. — Мрачный, но симпатичный.

— Спасибо, — сказал Адриан.

— Не за что. — Лиза встала. — Ладно, пойду. У меня ещё дела.

Она ушла, оставив после себя запах корицы и чувство, что тебя только что ограбили, но тебе это понравилось.

— Интересное соседство, — выдавил Адриан.

— Я её чувствую, — сказал Тимоти. — Она громкая. Даже когда молчит. И... странная.

— Странная?

— Я слышу эмоции, — напомнил Тимоти. — Когда она на тебя смотрела, было... узнавание. Как будто она тебя видела раньше. Или слышала.

— Обо мне?

— О тебе. Или о твоём роде. Я не разбираю. Но ты правда заинтересовал её.

Адриан ничего не сказал, но запомнил.

Ночью он почти не спал. Смотрел в окно на скалу Клык,

на туман, на огни академии. Он думал о матери. О её словах перед отъездом: «Не надевай перстень на палец. Пока не заслужишь».

И тогда он услышал.

Шёпот. Тихий, на грани слуха, как будто кто-то говорил за стеной. Не слова — просто звук. Дыхание. Голос, который не может выговорить имя.

Адриан замер. Не двинулся, не обернулся. Просто слушал.

Шёпот стих. Тишина.

Адриан выдохнул. Он не понял, что это. Списал на усталость, на нервы, на старое общежитие, которое явно давно требовало ремонта; может, он спутал скрип старых балок с шёпотом.

Утром Адриан проснулся от того, что Тимоти уже встал. Одетый. С книгой в руках.

— Пойдём, — сказал он. — Первая лекция. Не хочу опоздать.

Аудитория была круглой, как арена. Студенты сидели на скамьях, поднимающихся ярусами. В центре — помост, на помосте — стол и старая чаша из тёмного камня.

Адриан сел на третьем ярусе. Тимоти — рядом. Видне-

лись знакомые лица — Гром и Ива; Лиза болтала где-то позади.

Преподаватель вошёл тихо. Никто не заметил, как он появился. Просто в какой-то момент он уже стоял на помосте и смотрел на них. Высокий, седой, с бородой. Глаза, которые смотрели сквозь людей. В руках — книга. Он не смотрел на студентов, как будто их здесь не было.

— Называйте меня магистр Крайн, — сказал он. Голос глухой, как из колодца; половина аудитории вздрогнула. — Распределение. Вы все ждёте его. Боитесь. Гадаете. Это нормально. Но сегодня мы не будем говорить о Распределении как о событии. Мы будем говорить о том, что было до него. О том, что делает его возможным.

Он положил руку на чашу.

— Четыреста тридцать лет назад на этой скале стоял человек. Его звали Вель. Он был не магом. Он был строителем. И он построил академию, которую вы сейчас называете домом. Не потому, что хотел славы. А потому, что ему было видение. Он видел, как магия утекает из мира. Медленно, как вода сквозь пальцы. И он решил, что нужно место, где её можно будет удержать. Собрать. Сохранить.

Крайн обвёл взглядом студентов. Никто не шевелился.

— Вель построил семь башен. По одной на каждый вид магии, который он знал. Разрушение. Иллюзия. Исцеление. Природа. Проклятия. Тень. Смерть. Он считал, что магия — это не дар и не проклятие. Это река. И если её не направлять,

она либо высохнет, либо смоет всё.

Адриан слушал. Но думал о другом. О своём роде. О деде. О том, что Вельмы — тоже часть этой истории. Как именно?

— Он умер, — продолжал Крайн, — через двадцать лет после основания. Его похоронили под скалой. Но перед смертью он оставил завещание. В нём было сказано: «Тот, кто достоин, должен быть выбран не силой, а сердцем. Ибо сила без сердца — это тьма. А тьма — это конец».

Крайн замолчал. В зале стало тихо-тихо.

— Так появилось Распределение. Не как экзамен. Как ритуал. Сердце Котла — это не артефакт. Это часть завещания Веля. Он создал его из своей крови и последнего вздоха. И с тех пор каждый первокурсник, который входит в этот зал, проходит через то, что задумал Вель. Академия решает, кто вы. Не вы. Не ваши семьи. Не ваши таланты. Академия.

Он снова замолчал, потом посмотрел на чашу.

— Но у всего есть цена. Вель знал это. Он предупредил: «Академия возьмёт столько, сколько отдадите. Но иногда — больше». Кто-то связывает исчезновения с его словами, но, думаю, это просто фантазии.

По залу прошёл шёпот.

— Исчезновения? — переспросил кто-то.

— Да, — сказал Крайн. — Исчезновения. За всю историю академии было несколько периодов, когда в её стенах бесследно исчезали люди. Вы не найдёте эту информацию в учебниках. Но она есть. И она — часть Вельгарда.

Он поднял чашу.

— Это Сердце Котла. Посмотрите на него. Запомните. Потому что через полгода каждый из вас коснётся его. И он решит, кем вы станете.

Он поставил чашу обратно на стол. Глухо, как приговор.

После довольно скучной лекции о сути ритуалов и прочих теоретических тонкостях Адриан подошёл к помосту. Крайн уже смотрел на него.

— Магистр, — сказал Адриан.

— Да, мистер...?

— Вельм. Адриан Вельм.

Что-то изменилось в лице Крайна. На мгновение — страх. Настоящий. Потом — снова маска.

— Вельм, — повторил он. — Я знал вашего деда. Хороший был человек. Жаль, что всё так вышло.

— Что вышло?

— Ничего, — сказал Крайн. — Идите. Вам ещё учиться.

Он ушёл. Быстро. Слишком быстро для старика.

Адриан остался стоять. В пустой аудитории. И с ещё большим количеством вопросов в голове.

Адриан вышел из аудитории последним. Тимоти ждал его в коридоре, бледный.

— Ты слышал? — спросил он.

— Что?

— Про исчезновения! — Тимоти сглотнул. — Я почувствовал. Когда он это сказал, в зале что-то изменилось. Как будто все замерли. А потом — страх. У всех. Сразу.

— И у тебя?

— У меня тоже. — Тимоти посмотрел на него. — Но не из-за факта — я слышал эти слухи про академию. А из-за того, как он это сказал. Как будто он знает больше, чем говорит.

Адриан кивнул. Они пошли к выходу. Лиза догнала их у двери.

— Ну что, Вельм, — сказала она. — Как тебе первая лекция?

— Мрачно.

— Это же Вельгард. Тут всё мрачно. — Лиза пожала плечами. — Привыкай.

Она хотела сказать что-то ещё, но её окликнули. Кто-то из студентов. Она закатила глаза.

— Ладно. Увидимся. Не скучайте.

Во дворе было шумно. Первокурсники обсуждали лекцию. Кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то молчал. Гром нашёл их у фонтана. Фонтан не работал — только камень и сухой мох.

— Адриан! — заорал он. — Ты знал, что всего исчезло сто девять человек! Это же сколько лет надо было исчезать?

— Четыреста тридцать, — сказал Адриан.

— Точно. — Гром присвистнул. — И никто не заметил?

— Заметили. Но молчали.

Ива стояла рядом, молча, смотрела на скалу Клык. К ним подошёл ещё один студент — высокий, широкоплечий, с коротким ёжиком светлых волос. Лицо как вырезано из камня.

Адриан видел его на лекции. Он сидел в первом ряду и смотрел внимательно.

— Стоун, — сказал он. — Дориан Стоун.

Он протянул руку. Адриан пожал. Ладонь была сухая, крепкая.

— Вельм, — сказал Адриан.

— Знаю. — Дориан усмехнулся одной стороной рта. — Все знают.

— И?

— Ничего. Просто хотел запомнить твоё лицо. — В его глазах промелькнула злость.

Он ушёл, не оглядываясь.

— Что это было? — спросил Гром.

— Не знаю, — сказал Адриан. — Но ничего хорошего.

Вечером в общежитии Адриан сидел на кровати, Тимоти — напротив, с книгой.

— Слушай, — сказал Адриан. — Ты сказал, что чувствуешь эмоции. Как шум.

— Да.

— А что ты чувствуешь мои эмоции сейчас?

Тимоти замер, посмотрел на него долго.

— Конечно, — сказал он тихо.

— И?

— Ты боишься. Но не того, что все. Не смерти, не исчезновения. — Тимоти закрыл глаза. — Ты боишься, что всё это — из-за тебя. Что ты что-то принёс с собой. И это что-то проснулось.

Адриан молчал. Долго.

— Ты прав, — сказал он наконец.

— Я знаю. — Тимоти открыл глаза. — Я всегда прав. Это моё проклятие.

Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Адриан лёг на кровать и закрыл глаза. Никаких подозрительных звуков этой ночью он не слышал — а может, просто слишком устал.

Глава 2

Адриан проснулся от того, что Тимоти сидел на кровати и смотрел в стену.

Не читал, не спал и даже не моргал. Просто смотрел в одну точку, словно пытался просверлить взглядом каменную кладку.

— Ты чего? — хрипло спросил Адриан, садясь и потирая лицо.

— Слушаю, — отозвался Тимоти, не оборачиваясь.

— Что слушаешь?

— Эмоции. — Тимоти чуть наклонил голову, прислушиваясь к чему-то невидимому. — В общежитии. Они усилились. После вчерашнего... как будто что-то проснулось.

Адриан сел ровнее. В комнате стояла гнетущая тишина. Слишком тихая для утра, когда обычно за стенами слышны шаги и ворчание умывающихся студентов. Даже магические светильники под потолком не гудели, словно боялись издать лишний звук.

— Что именно? — спросил Адриан.

— Не знаю. — Тимоти прикрыл глаза. — Но их стало больше. Они громче. Я чувствую их, как шум в голове. Только... сильнее. И тяжелее.

Адриан встал и подошел к окну. Скала Клык за окном была привычно серой, а ее подножие заволокло густым, тяже-

лым туманом. Где-то вдалеке, за стенами академии, пронзительно и одиноко кричала птица.

Он молчал, собираясь с мыслями.

— Пойдем, — сказал он наконец. — Первая пара. Ритуалистика. Крайн.

— Не хочу, — честно признался Тимоти. — Но пойду.

В коридоре их встретил непривычный гул. Первокурсники сбились в кучки, как испуганные овцы, и перешептывались. Кто-то тихо плакал, прикрывая лицо ладонями, кто-то смеялся — нервно, не к месту, на грани истерики.

Лиза стояла у лестницы, скрестив руки на груди. Она смотрела на толпу с выражением человека, который уже всё понял, но не спешит делиться выводами.

— Что случилось? — спросил Адриан, подходя.

— Крайн, — коротко бросила Лиза. — Говорят, пропал.

— Пропал? — Адриан нахмурился.

— Ну, официальная версия «уехал по делам академии». — Она презрительно скривилась. — Кто-то из старшекурсников слышал, как Мор говорила с кем-то в деканате. Слово «исчез» прозвучало дважды. «По делам» — ни разу.

— И что теперь?

— А теперь, — Лиза наконец повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза, — будет собрание. Через час. В главном зале. Объявят официальную версию. И все сделают вид, что поверили.

— Ты в этом уверена?

— Я уверена во всём, что касается официальных версий, — усмехнулась она. — Они всегда одинаковые. «Уехал». «Отчислен». «Переведён». Главное — не задавать лишних вопросов.

Она помолчала, изучая его лицо.

— Ты вчера последним выходил из аудитории. Что он тебе сказал?

Адриан не удивился ее наблюдательности, складывалось ощущение, что Лиза была везде и всюду.

— Он сказал, что знал моего деда. И что ему жаль, что «всё так вышло».

Лиза тихо присвистнула.

— Тёмная видимо история.

— Ты знаешь, что за история?

— Нет. — Она равнодушно пожала плечами. — Но я знаю, что о Вельмах в этой академии говорят исключительно шёпотом. И далеко не в хорошем смысле.

— Ты знала это ещё до того, как я представился?

Лиза одарила его одной из тех улыбок, которые не значили ровным счетом ничего.

— Я знаю много всего. Но не всё говорю. Можешь считать это частью моего дара.

Она развернулась и ушла, растворившись в толпе. Адриан остался стоять.

Собрание было коротким и мрачным.

Главный зал — тот же, что и вчера, с высокими сводчатыми потолками и семью витражами, — сегодня казался другим. В нем не было вчерашней торжественности. Студенты котла стояли кучками, как перед грозой, и молчали. На помосте, возвышаясь над всеми, стояли Госпожа Мор, Гривус и ещё двое: сухонькая старушка в сером платье и мужчина в очках с толстыми линзами.

— Кто это? — шепнул Адриан Грому, который стоял рядом, сжимая кулаки.

— Та старушка — профессор Лин, История магии, — так же шепотом ответил Гром. — А очкарик — Магистр Венц, Теория магии. Говорят, скучный, как учебник.

Ива стояла рядом с Громом, молчаливая, как всегда. Цветок в её волосах был плотно закрыт, спрятав лепестки. Тимоти держался чуть позади, бледный до синевы, — он чувствовал эмоции толпы, и они были тяжёлыми, как свинец. Лиза стояла сбоку, скрестив руки, и смотрела на Мор с неприкрытым недоверием.

Мор подняла руку, и тишина стала абсолютной.

— Первокурсники, — сказала она. Голос был тихим, но его слышали даже в самых дальних углах зала. — Магистр Крайн уехал по делам академии. Его лекции будет вести Мастер Гривус. Вопросы есть?

Вопросов не было. Голос Мор не предполагал вопросов. Но внезапно Гром шагнул вперёд. Адриан даже не успел уди-

виться.

— Как уехал? — спросил он громко, на весь зал. — Он же вчера был. Вёл лекцию. Говорил о Распределении и ни слова не сказал о своем отъезде.

Мор посмотрела на него. Долго. Холодно. Обычно после такого вопроса она не привыкла, что у кого-то эти самые вопросы могут возникнуть. Но Гром был настроен решительно – эдакий рыцарь справедливости, который всюду пытается докопаться до истины.

— Уехал, — повторила она, чеканя каждое слово. — Сегодня ночью. По делам академии.

— Каким делам?

— Это не ваше дело. — Мор не повысила голос, но в нём появилось что-то такое, от чего Гром невольно отступил на шаг. — Ещё вопросы?

Тишина.

— Тогда идите. У вас Основы защиты.

Студенты начали расходиться. Медленно. Оглядываясь.

Адриан медлил. Он смотрел на Мор, а потом шагнул к помосту.

— Госпожа Мор.

Она обернулась, её взгляд — как лезвие резанул Вельма. Слишком много любопытных студентов в этом году, будет сложно.

— Да?

— Крайн вчера говорил об исчезновениях. О ста девяти.

Вы знаете, что-то об этом?

— Нет, — отрезала Мор. — И вам не советую интересоваться. Это не ваше дело.

— Он говорил о моём деде.

Что-то дрогнуло в её лице. На одно мгновение. Потом — снова лёд.

— Ваш дед, — сказала она, — был причиной одной из самых тёмных страниц в истории Вельгарда. Я бы на вашем месте не напоминала об этом лишний раз, разговор окончен.

Она ушла, и её шаги гулко отдались в опустевшем зале.

Адриан остался стоять. Слова Мор висели в воздухе, как дым. «Причиной одной из самых тёмных страниц». Он не знал, что это значит. Но собирался узнать.

Гром подошёл к нему сзади и положил тяжелую руку на плечо.

— Ты чего к ней пристал?

— Ничего, — сказал Адриан.

— Пошли. Гривус ждёт. Он не любит, когда опаздывают.

Они вышли из зала. Лиза догнала их в коридоре.

— Ну что, Вельм, — сказала она. — Что она тебе сказала?

— Ничего хорошего.

— Это Мор. У неё всё — ничего хорошего. — Лиза пожала плечами. — Привыкай.

Внутренний двор встретил их пронизывающим ветром.

Вымощенный серым камнем, с неработающим фонтаном в центре, он казался пустым и неуютным. По краям стояли каменные скамейки, покрытые сухим мхом.

Гривус стоял в центре двора. Деревянная нога, шрам через всё лицо, взгляд — как у старого пса, который ещё может укусить. В руке — деревянный посох. Первокурсники собрались вокруг него. Кто-то ещё не отошёл от собрания, кто-то шептался, кто-то молчал, кутаясь в плащи.

— Так, — сказал Гривус. Голос — хриплый, как у старого вояки. — Первое правило: магия — это не фокусы. Это оружие. Второе правило: если вы не умеете защищаться, вы — труп. Третье правило: я не нянька. Если кто-то что-то себе сломает — сам виноват.

Он оглядел студентов.

— Сегодня проверим, кто вы есть. Каждый из вас выйдет сюда и покажет свой дар. Всё равно что. Главное — чтобы я увидел, на что вы способны.

Первый парень вышел в центр, зажмурился и развел руки. Воздух перед ним начал мутнеть, из него с громким хлопком сплелся кривой, полупрозрачный щит. Он дрожал, как студень на ветру.

— Сойдет, — бросил Гривус. — Следующий.

Вторая девушка сделала глубокий вдох, сложила ладони «лодочкой» и развела их, создавая слабый вихрь, который сорвал сухой лист с камня.

— Слабовато, — кивнул Гривус.

Третий, четвертый, пятый... Гривус смотрел на них с каменным лицом, изредка роняя короткое «сойдет» или «слабо».

Затем вперед вышел Гром. Он не стал тянуть руки или закрывать глаза. Просто встал, широко расставив ноги, и сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Ну давай, — пробормотал он и ударил кулаком в землю.

В первый момент ничего не произошло. Но затем по каменным плитам от его ног побежала сеть тонких трещин. Глухой, низкий гул родился где-то в глубине двора, отдаваясь вибрацией в костях. Кусочки щебня подпрыгнули, а сам Гром, казалось, стал на полголовы выше и шире в плечах.

Гривус поднял бровь.

— Силён, — сказал он. — Неплохо. Главное — не потеряй землю под ногами.

Гром довольно выдохнул, разжимая кулаки, и вернулся в толпу, потирая покрасневшие костяшки.

Следом вышла Лиза. Она вышла с той самой ленивой, чуть наглой улыбкой, которая не предвещала ничего хорошего. Гривус смотрел на неё с подозрением, и его рука крепче сжала посох. Лиза подняла ладони, показывая, что она безоружна, и медленно, почти вкрадчиво, щёлкнула пальцами.

Воздух вокруг её рук на миг стал плотным, как желе, и едва заметно исказился. В то же самое мгновение Гривус

вздрогнул и схватился за пояс.

— Эй! — рявкнул он.

— Вот, — Лиза протянула ему его же кинжал, держа его за лезвие. — Ваш? По-моему, вы его уронили.

— Мелкое воровство — не боевая магия, — сказал Гривус, забирая оружие, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. — Но сойдёт.

Потом вышла девушка. Светлые волосы, заплетённые в тугую косу. Серые глаза. Тёмно-синее платье. Она не стала делать ничего громкого. Просто подняла руку — и в воздухе появилась темная птица. Она стремительно летела прямо в лицо Гривуса, намереваясь вонзить свой острый хищный клюв ему в глаз. Гривус не отшатнулся. Даже не моргнул. Только прищурился. Птица исчезла в сантиметре от его лица.

— Иллюзии, — сказал он. — Опасная штука. Неплохо.

Девушка кивнула и отошла.

И вот — Адриан.

Он вышел в центр. Все смотрели. Гривус смотрел. Адриан не стал притворяться. Не стал делать вид, что пытается. Он знал, что не получится. Пробовал раньше. Много раз.

— Я не владею магией, — сказал он прямо, глядя Гривусу в глаза. — Совсем.

По рядам прошёл шёпот. Кто-то засмеялся. Кто-то ахнул. Гривус не улыбнулся. Не рассердился. Он смотрел на Адриана долго.

— Совсем? — переспросил он.

— Совсем, — повторил Адриан. — Я пытался. Много раз. Но — пусто. Как будто там ничего нет.

Гривус подошёл. Близко. Посмотрел в глаза. Долго.

— Странно, — сказал он. — Обычно у Вельмов с этим проблем не было.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. — Гривус отступил. — Но ты умеешь что-то ещё? Кроме магии?

Адриан замер. Потом — кивнул.

— Я владею мечом, — сказал он. — Неплохо. Учили в детстве.

— Немного — это лучше, чем ничего. — Гривус хмыкнул. — Следующий.

Адриан вернулся на место.

Следующим вышел Тимоти. Он выглядел так, будто его ведут на эшафот: плечи ссутулены, руки нервно теребят край мантии, а глаза стараются смотреть куда угодно, только не на Гривуса.

— Лэнго, — рявкнул Гривус. — Ты там уснул? Выходи.

Тимоти вышел в центр. В полной тишине его нервозность стала почти осязаемой. Он сглотнул, оглянулся на Адриана, словно ища поддержки, а затем посмотрел прямо на старого мастера.

— Я... я не умею создавать щиты или огонь, — сказал он тихо. — Мой дар... он невидимый. Я слышу чувства.

— Слышишь? — Гривус прищурился. — И что ты слышишь сейчас, студент?

Тимоти замер. Его взгляд стал расфокусированным, словно он смотрел сквозь людей.

— Я слышу... как вам скучно, — неожиданно сказал он. Голос дрогнул, но он продолжил: — И еще... раздражение. Вам не нравится, что мы тратим ваше время. Но под этим... — Тимоти прикрыл глаза, и его голос стал тише, почти шепотом. — Под этим — страх. Вы боитесь, что кто-то из нас погибнет. Как те, кто исчез. И вы злитесь на себя за то, что не можете это предотвратить.

Толпа первокурсников замерла. Кто-то ахнул.

Старый вояка не двинулся с места. Его лицо осталось каменным, но пальцы на посохе побелели.

— А теперь посмотри на вон того парня, — неожиданно приказал Гривус, кивнув на долговязого студента в задних рядах. — Что он чувствует?

Тимоти перевел взгляд на парня. Тот побледнел.

— Он... — Тимоти поежился. — Он в ужасе. Ему кажется, что он здесь чужой. И он... завидует. Тем, кто уже показал свои силы.

Парень в задних рядах резко отвернулся, пряча пылающее лицо.

— Достаточно, — отрезал Гривус. — Твой дар — не оружие. Но он опаснее меча, если ты не научишься его контролировать. Иди.

Тимоти буквально вылетел из круга, вернувшись к Адриану. Его била мелкая дрожь.

— Я не хотел это говорить, — прошептал он, глядя на свои руки. — Оно просто... вырвалось.

— Ты молодец, — тихо ответил Адриан. — Ты показал им, на что способен.

Ива рядом едва заметно кивнула, а цветок в её волосах чуть дрогнул.

После занятия Гром подошёл к нему.

— Не переживай, — сказал он. — У меня тоже сначала не получалось. А потом — как пошло.

— Ты сильный. У тебя дар есть. А у меня — нет.

— Есть, — сказал Гром уверенно. — Просто спит, должно что-то случиться, чтобы он проснулся в тебе. У каждого мага это индивидуально.

Ива подошла с другой стороны. Молча. Взяла Адриана за руку. На секунду. Цветок в её волосах — чуть раскрылся.

— Не торопись, — сказала она тихо. — Всё придёт.

Она отпустила руку и отошла. Адриан посмотрел на свою ладонь. Тёплую. Как будто что-то осталось.

После занятия Адриан вышел во двор. Ему нужно было подумать. Двор был пуст. Только скамейки, фонтан, который не работал, и ветер.

Адриан сел на скамейку. Закрыл глаза. Попробовал снова.

Потянулся внутрь своей души, в самую ее глубину. Туда, где должна была быть магия. Ничего.

Он открыл глаза.

На скамейке напротив сидела девушка. Он не заметил, как она появилась.

Светлые волосы, заплетённые в тугую косу. Серые глаза — холодные, как лёд. Платье — тёмно-синее, дорогое, без единой складки. Рядом — книга. Адриан вспомнил эту девушку, создавшую идеальную иллюзию птицы на занятии по защите.

— Вельм, — сказала она.

— Мы знакомы?

— Нет. — Она закрыла книгу. — Но я знаю, кто вы. Мариэль Дюваль. Мой род не такой древний, как ваш, но чуть более... живой.

— Это комплимент?

— Это факт. — Мариэль посмотрела на него без интереса. — Вы вчера разговаривали с Крайном. Последним.

— Вы следите за мной?

— Я слежу за всеми. Это единственный способ выжить в Вельгарде. — Она встала. — Крайн не уехал. Он исчез. Как остальные.

— Вы знаете, куда?

— Нет. Но я знаю, что вы будете искать. — Мариэль улыбнулась. Холодно. — Не лезьте. Это опасно.

— Почему вы предупреждаете?

— Потому что вы мне интересны. — Она пошла прочь. — Пока.

Адриан смотрел ей вслед. Она не обернулась и очень быстро скрылась из вида. И тогда — он услышал треск. Над головой.

Он поднял глаза. С каменной стены, под которой стояла скамейка, прямо на него стремительно падал булыжник. Размером с кошку. Время замедлилось. Адриан понял, что остолбенел и не успевает ни отпрыгнуть, ни уклониться.

И тут — перед ним резко возникло лицо в капюшоне, темноволосый парень с очень задумчивым взглядом. Незнакомец схватил Адриана за отворот пиджака и резко дернул на себя, одно мгновение начало тянуться вечность. Адриан полетел вперёд. Земля ушла из-под ног. Он должен был упасть на спасителя. Прямо на него. Но встретил пустую землю и в тот же миг услышал грохот, упавшего камня, разбившегося о скамейку ровно на том месте, где секунду назад сидел он.

Незнакомец стоял рядом. Целый. Невредимый. Протягивал руку.

— Кай, — сказал он.

Адриан поднял глаза. Булыжник лежал там, где он только что сидел, и разбился на куски. Если бы не Кай — от него самого осталось бы мокрое место.

Он взял протянутую руку. Поднялся, отряхивая пыль с колен.

— Ты... как? — выдохнул Адриан.

— Тень нельзя убить камнем, — тихо сказал Кай. Его глаза под капюшоном блеснули, отражая тусклый свет фонарей. — Но будь осторожнее, Вельм. Вельгард — более опасное место, чем кажется.

Адриан нахмурился. Отдышавшись, он посмотрел на парня в капюшоне — внимательно, пытаясь разглядеть черты лица в глубокой тени.

— Ты кто? — спросил он прямо. — И как ты это сделал? Ты просто выдернул меня из-под удара… исчез… появился.

Кай чуть склонил голову набок.

— Обычный первокурсник, — ответил он ровно. — Как и ты. Просто мой дар позволяет пользоваться помощью теней.

Адриан хотел спросить еще что-то, но Кай отступил на полшага назад, и в уголках его губ вдруг мелькнула едва заметная, легкая улыбка.

— Позже, Вельм.

Он шагнул в тень стены, и его силуэт мгновенно растворился в ней, как чернила в воде.

Адриан остался стоять один, глядя на пустое место. Он попытался вспомнить лицо Кая, его глаза, но в памяти остался лишь блеск в темноте под капюшоном.

И тут его осенило: он совершенно не помнил этого парня на занятиях. Ни на лекции Крайна, ни в аудитории Гривуса, ни на общем собрании. Как будто Кая вообще не существовало в списках первокурсников.

«Помощь теней», — подумал Адриан.

Возможно, это касалось не только физического исчезновения. Возможно, тени скрывали его от взглядов и разума людей куда надежнее, чем просто в темных углах.

И от этой мысли по спине Адриана пробежал холодок.

«Это точно не случайность», — подумал он, глядя на разбитый булыжник.

Столовая встретила Адриана привычным гулом голосов и густым запахом варёной капусты, смешанным с приторной сладостью подгоревшего теста. Здесь, в отличие от пустынного двора, кипела жизнь: первокурсники сбивались в кучки, кто-то спорил, кто-то смеялся, кто-то пытался незаметно пододвинуть к себе чужую тарелку.

Адриан вошёл и сразу увидел знакомую компанию. Гром возвышался над длинным столом у окна, рядом с ним примостилась тихая Ива. Напротив них сидел Тимоти, нервно теребя край мантии.

— Адриан! — заорал Гром через весь зал, перекрывая общий гам. — Иди сюда! Тут пироги!

Адриан подошёл и тяжело опустился на скамью. Взял предложенный пирог, откусил, но не почувствовал вкуса — перед глазами всё ещё стоял разбитый булыжник и блеск глаз под капюшоном.

— Ты чего такой? — Гром перестал жевать и внимательно посмотрел на друга. — На тебе лица нет.

— Ничего, — соврал Адриан.

— Врёшь, — раздался насмешливый голос. Лиза, словно из ниоткуда, плюхнулась на свободный стул рядом с Ивой. Она уже успела откусить половину чужого ломтя хлеба и теперь смотрела на Адриана с прищуром. — У тебя глаза как у покойника. Что случилось?

Тимоти ничего не сказал. Он лишь посмотрел на Адриана долгим, изучающим взглядом. Тимоти явно чувствовал его эмоции, но, к счастью, не стал озвучивать их при всех.

Лиза, не дождавшись ответа, понизила голос и подалась вперёд.

— Слышали? Крайна видели вчера вечером у ворот. Об этом болтает один старшекурсник.

— И? — Гром нахмурился.

— И он был не один. С ним шёл кто-то. В чёрном.

— Кто?

— Не знаю. Но старшекурсник сказал, что у этого «кого-то» не было лица.

— В смысле? — Тимоти побледнел и отложил вилку.

— В прямом. — Лиза пожала плечами, словно обсуждала погоду. — Плащ. Капюшон. И пустота.

— Может, ему показалось? Темно, страшно, вот и померещилось. — Гром скептически фыркнул. — Я не верю в это. В пустоту под капюшоном. Это сказки.

— Как хочешь. — Лиза равнодушно откусила ещё. — Но я ему верю.

Ива до этого момента молчавшая и смотревшая в свою тарелку, вдруг подняла глаза.

— Он не уехал, — сказала она тихо.

За столом повисла тишина.

— Что? — переспросил Гром.

— Крайн. Он не уехал. — Ива смотрела в тарелку, и цветок в её волосах плотно закрыл лепестки. — Я чувствую. Что-то не так. Как будто... порвалось.

Тимоти медленно кивнул.

— Я тоже, — сказал он. — Только не понял, что. Просто — пустота. На том месте, где был Крайн.

Гром посмотрел на них, потом перевел тяжелый взгляд на Адриана.

— А ты что думаешь?

Адриан молчал. Он смотрел на нетронутый пирог, но перед глазами у него стояла другая картина: стена, падающий камень и парень в капюшоне, которого нет ни на одном занятии.

«Обычный первокурсник... Позже, Вельм».

— Думаю, что Лиза права, — сказал он наконец, поднимаясь. — Что-то не так. И это только начало.

Он вышел из-за стола, даже не притронувшись к еде.

— Ты куда? — спросила Лиза.

— Мне нужно подумать, — бросил он через плечо. — И кое-кого найти.

Аудитория встретила их той же гулкой пустотой, что и утром. Круглый зал с высокими каменными ярусами казался сейчас ещё более мрачным, словно стены впитали в себя тревогу студентов. Первокурсники сидели тихо, не перешёптываясь, как обычно, — на помосте, где ещё вчера стоял Крайн, теперь возвышалась Велана Мор.

Она вошла ровно в срок, ни секундой раньше и ни секундой позже. Чёрное платье облегало её фигуру, как вторая кожа, спина была прямой, словно вместо позвоночника у неё был стальной стержень. Она не поздоровалась — просто обвела аудиторию ледяным взглядом, от которого у многих по спине пробежал холодок.

— Этика дара, — произнесла она. Голос был тихим, но благодаря идеальной акустике зала его слышали даже на самых верхних рядах. — Наука о том, как не стать чудовищем.

Она говорила ровно, чётко, без единой эмоции. О том, что магия — это не игра и не привилегия, а тяжелая ответственность. О том, что дар — это долг перед теми, у кого его нет. И о том, что те, кто использует свою силу во вред, будут наказаны.

Адриан слушал вполуха. Он смотрел на неё, на её безупречную осанку, на то, как она складывает руки, как смотрит поверх голов, и думал: «Что ты знаешь? Что ты скрываешь?»

Когда лекция закончилась и студенты начали расходить-

ся, Адриан не двинулся с места. Он дождался, пока зал опустеет, и шагнул к помосту.

— Госпожа Мор.

Она обернулась. Её взгляд скользнул по нему, как лезвие ножа по шелку.

— Опять вы, Вельм.

— Вы сказали, что мой дед был причиной. Чего?

Мор молчала. Она смотрела на него так долго, что Адриану показалось, будто она пытается заглянуть ему в душу и найти там что-то.

— Вы настойчивы, — сказала она наконец. — Это опасно.

— Я хочу знать правду.

— Тогда покопайтесь в архивах. — Она отвернулась и начала собирать свои бумаги. — У меня много дел, и я не собираюсь тратить время на пустые разговоры.

Она уже направилась к выходу, когда бросила через плечо:

— Если ОН вас впустит.

Её шаги стихли в коридоре. Адриан остался стоять в пустом зале. Архивариус. О нём в академии говорили только шёпотом. Он жил в подвалах, знал всё и почти никого не впускал. «Завтра же, — твёрдо решил Адриан. — Сразу после занятий».

Вечером в общей гостиной студенты Котла пытались от-

влечься от мыслей об учебе — каждый своим способом. Адриан сидел у камина, рассеянно наблюдая за тем, как в языках потухающего пламени корчатся замысловатые тени. Тимоти устроился рядом, обхватив колени руками, и молчал, — он явно чувствовал что-то тревожное, но не решался заговорить первым. За столом Гром и Ива играли в карты: Гром хмурился, проигрывая партию за партией, а Ива тихо улыбалась, изредка поглядывая на него. Лиза стояла у стены с раскрытой книгой, но глаза её были устремлены в тёмное окно, за которым ветер гнал по небу рваные облака.

Внезапно дверь с оглушительным грохотом распахнулась, ударившись о стену. На пороге стоял Рэн. Его глаза горели яростью, а на кончиках пальцев, потрескивая и пульсируя, плясали всполохи энергетических молний.

— Где она?! — заорал он, и его голос эхом разнёсся по всему залу.

Все замерли. Карты посыпались на пол, кто-то из младшекурсников испуганно вскрикнул и отшатнулся.

— Где она, я спрашиваю?! — повторил Рэн, тяжело дыша.

— Что... что случилось? — робко спросил Тимоти. Он всегда побаивался куратора, но, чувствуя его обжигающий гнев, почему-то решил, что именно ему стоит начать задавать вопросы.

Рэн не удостоил его ответом. Он медленно двинулся по залу, вглядываясь в лицо каждого студента. Он был куратором, а значит, знал о них всё: их способности, их слабости,

их тайные дары. «Гром? Нет. Этот силач слишком честен, чтобы быть вором. Тимоти? Слабак, эмпат, не сможет незаметно. Ива? Слишком тихая, цветочки. Адриан? Вельм без дара. Пока...»

Его взгляд метнулся дальше и наконец упёрся в Лизу. Она сидела у стены с неестественно ровной спиной и спокойным лицом, словно ничего не произошло. Но её пальцы были напряжены, а улыбка казалась слишком правильной, слишком натянутой.

Рэн замер. Он прекрасно знал её дар. Мелкий телекинез, но точный и незаметный. Идеальный инструмент для воровства.

Он медленно поднял руку и указал прямо на неё.

— Ты, — произнёс он тихо, но в наступившей тишине его услышали все. — Это ты. Воровка.

Лиза побледнела. Всего на секунду, на две. А затем, резко оттолкнувшись от стены, вскочила и бросилась к двери.

Рэн не медлил. Взмахнув рукой, он сорвал с пальцев энергетическую волну — небольшую, но плотную, способную сбить с ног и покалечить хрупкую девушку. Волна с шипением полетела в спину Лизе.

И в этот момент наперерез ей выбежал Гром. Он не думал, не просчитывал — просто бросился вперёд, закрывая Лизу собой. Его кожа мгновенно закаменела, становясь серой и твёрдой, как гранит. Дар усиления тела, который позволял ему на несколько секунд превращаться в живую скалу.

Волна со всей силы врезалась в него. Грома отбросило назад, и он тяжело рухнул на каменный пол. Каменная кожа треснула, но выдержала — он был жив и невредим, только в ушах звенело от удара.

И в это самое мгновение Адриан ударил. Рэн не ждал нападения — он смотрел на Грома и Лизу, не замечая приближения Вельма. Кулак Адриана врезался ему в челюсть с разворота, вложив в удар всю силу.

Рэн отшатнулся, пошатнулся и схватился за край стола, чтобы не упасть. Он посмотрел на Адриана сначала с удивлением, а затем — с чем-то отдаленно похожим на уважение.

— Вельм, — произнёс он, вытирая кровь с разбитой губы. — Ты что, совсем дурак?

— Не трогай её, — тяжело дыша, ответил Адриан, сжимая кулаки.

Рэн долго смотрел на него, потом перевёл взгляд на Лизу, затем на Грома, который уже поднимался с пола, и снова на Адриана.

— Ладно, — сказал он неожиданно спокойно. — Верни монету. И я уйду.

Лиза помедлила, а затем, тяжело вздохнув, достала из кармана ту самую тёмную, старую монету и протянула её куратору. Рэн забрал её, сжал в кулаке и долго смотрел на Лизу.

— В следующий раз, — тихо сказал он, — я не буду таким добрым.

Он развернулся и вышел, с силой захлопнув за собой

дверь. В гостиной повисла гулкая тишина.

Гром поднялся на ноги, тряхнул головой, и его кожа постепенно вернулась к нормальному цвету. Он посмотрел на Адриана и ухмыльнулся.

— Ты смелый, Вельм. Дурак, но смелый.

Ива перевела взгляд на Адриана, и цветок в её волосах медленно раскрылся. Тимоти сидел в углу, бледный как полотно, — он чувствовал всё и сразу, и это было слишком.

Лиза выдохнула и посмотрела на Адриана.

— Ты что, с ума сошёл? — спросила она, но в её глазах не было злости — было что-то другое, более глубокое.

— Может быть, — ответил Адриан.

После ухода Рэна гостиная постепенно ожила. Студенты начали перешёптываться. Кто-то подошёл к Грому. Кто-то — к Лизе. Но она вскоре ушла. Адриан вышел в коридор. Следом — Тимоти.

— Ты как? — спросил Тимоти.

— Нормально. — Адриан потряс кулаком. Костяшки садили. — Больно.

— Ты ударил куратора. По лицу. При всех.

— Он бы её покалечил.

— Может. А может — нет. Он бы просто остановил её.

Адриан посмотрел на него.

— Ты видел волну? Он не собирался её останавливать. Он

собирался её сбить. И плевать, что с ней будет в результате.

Тимоти молчал. Они дошли до комнаты. Адриан открыл дверь. Лиза сидела на его кровати. Как будто ждала.

— Я думала, ты дольше будешь. — Она встала. — Тимоти, оставишь нас на пару минут.

Тимоти посмотрел на Адриана. Тот кивнул. Тимоти вышел. Закрыл дверь.

Лиза смотрела на Адриана. Долго. Молча.

— Ты знал? — спросила она наконец, и в её голосе не было привычной насмешки.

— Даже не догадывался, — честно признался Адриан, присаживаясь на край кровати. — Я просто увидел, как он замахнулся на тебя. А всё остальное было неважно.

Лиза помолчала, словно переваривая его слова, а потом тихо фыркнула, но в этом звуке не было ни капли веселья.

— И не подумал отсидеться в стороне? — Она прищурилась, но в её взгляде читалось скорее любопытство, чем подозрение.

— А зачем мне это было нужно? — Адриан пожал плечами, глядя ей прямо в глаза. — Стоять в стороне и смотреть, как куратор калечит студентку? Это не в моих правилах.

Она замерла, и её взгляд стал другим. Будто она впервые увидела перед собой не просто мрачного наследника древнего рода, а человека, на которого можно положиться.

— Ты странный, Вельм, — выдохнула она, опускаясь обратно на кровать. — Нормальные парни в такой ситуации

либо прячутся за спины, либо бегут звать деканов. А ты просто врезал ему по морде.

— Он бы тебя покалечил, — ответил Адриан. — Этого было достаточно.

— Ага, — она усмехнулась, но теперь в её улыбке было что-то искреннее. Она встала и подошла к двери, но на пороге остановилась, обернувшись.

— Знаешь, почему я это сделала? — спросила она, и её голос стал твёрже. — Я хотела проучить этого наглого куратора. Он же думает, что ему всё позволено — клеится ко всем первокурсницам, строит из себя подарок судьбы. А на деле он просто пустышка, которая даже не заметила, как я стащила у него монету.

— Зачем ты подставилась? — не понял Адриан. — Если ты могла просто уйти, никто бы ничего не узнал.

Лиза посмотрела на него так, словно он сказал что-то очень наивное.

— Затем, что иначе он бы не остановился. — Она скрестила руки на груди. — Ты не понимаешь, Вельм. Я — стипендиатка. Меня воспитывали в строгости, учили, что такое справедливость. Моя семья бедная, но честная, и я терпеть не могу таких, как Рэн, которые пользуются своим положением. Если я буду молчать и прятаться, он никогда не получит по заслугам. А я не из тех, кто отступает.

Адриан молчал, осмысливая её слова. В этой рыжей дерзкой девчонке оказалось куда больше глубины, чем он пред-

полагал.

— Ладно, — Лиза открыла дверь и уже шагнула в коридор, но на секунду задержалась. — Спасибо, что вступился, Вельм. И не смотри так, будто ждал благодарности. Ты мне нравишься. Ты не такой, как все: молчишь, думаешь... и не бросаешь девушку на съедение волку.

Она уже почти закрыла дверь, как вдруг снова просунула голову в комнату и с ухмылкой добавила:

— И да, я пойду скажу спасибо Грому. Он, конечно, тот еще каменный дуболом, но заслонил меня собой, как настоящий рыцарь. Пусть знает, что его жертва была не напрасной.

Дверь тихо щёлкнула. Адриан остался сидеть на кровати, чувствуя, как ноет ушибленный кулак, и с мыслью, что Лиза Верд — гораздо сложнее и интереснее, чем казалась на первый взгляд.

Ночь опускалась на Вельгард медленно, словно нехотя уступая свои права кромешной тьме. Адриан лежал на кровати, устремив невидящий взгляд в потолок, и прислушивался к ноющей боли в кулаке. Боль была глухой, тянущей, но вместе с ней приходило странное, почти болезненное удовлетворение. Он ударил Рэна. И ни капли об этом не жалел.

Тимоти лежал на соседней кровати, повернувшись к стене. Он дышал ровно, слишком ровно для спящего, — скорее всего, просто притворялся, боясь нарушить тишину.

Адриан прислушался к этой тишине, ожидая услышать знакомый шёпот, который преследовал его в последние ночи. Но шёпот не приходил. Он повернулся на бок, закрыл глаза и попытался расслабиться.

И тогда услышал это.

Не шёпот. Что-то другое. Тихий, скребущий звук, словно кто-то медленно, с методичной настойчивостью царапал камень. Адриан резко открыл глаза. Звук шёл со стороны окна.

Он поднялся с кровати и, стараясь не шуметь, подошёл к подоконнику. За окном лежала непроглядная темнота, в которой угадывались лишь очертания скалы Клык и клубы густого тумана. Но прямо на внешнем подоконнике, вцепившись когтями в камень, сидел ворон. Большой, угольно-чёрный, он смотрел прямо на Адриана немигающим взглядом и методично царапал клювом стекло.

Адриан замер, не смея пошевелиться. Ворон склонил голову набок, словно изучая его, а затем резко вспорхнул и растворился в ночной темноте.

Адриан хотел уже отойти от окна, но что-то — какое-то смутное предчувствие — заставило его посмотреть вниз. Там, у самых стен академии, в густой тени стояла фигура. Тёмный плащ, глубокий капюшон, неподвижная поза. Адриан прищурился, пытаясь разглядеть лицо, но не смог — темнота под капюшоном казалась абсолютной, высасывающей свет.

В следующее мгновение луна скрылась за тучей, и Вель-

гард погрузился в кромешную тьму. Когда же бледный свет вернулся, фигуры внизу уже не было.

Адриан стоял ещё долго, вглядываясь в ночь. Он не знал, что это значило, но интуиция подсказывала — это не просто игра воображения. Наконец он вернулся на кровать и лёг, уставившись в потолок. Шёпот этой ночью так и не пришёл.

Но ворон был. И фигура была. И от осознания этого становилось гораздо хуже, чем от любого шёпота.

Глава 3

Столовая была шумной. Пахло варёной капустой и чем-то жареным. Гром уже сидел за столом у окна, рядом — Ива и Лиза. Тимоти пошёл к раздаче за напитками.

Адриан стоял в очереди, задумавшись о своём, когда услышал испуганный возглас Тимоти, грохот и звон разбитого стекла.

Обернувшись, он увидел своего соседа, лежащего на полу среди разбитых бокалов и в луже вишнёвого сока. От пристального внимания толпы, находящейся в столовой, лицо Тимоти стало точь-в-точь цвета вишни.

А рядом, в воздухе, висело пятно — такое же вишнёвое, как и всё в радиусе полутора метров. Как будто на невидимой ткани. Потом пятно шевельнулось, и из воздуха появился Кай.

Он был мокрый. С ног до головы: сок стекал по его плащу, лицу и волосам.

— Ой, — сказал Кай тихо.

Он посмотрел на Тимоти. Потом на себя. Потом снова на Тимоти.

— Прости, — сказал он. — Я задумался. Не заметил тебя.

Он протянул руку.

Тимоти смотрел на него снизу вверх взглядом, полным гнева, стыда и страха. Но принял руку и поднялся.

На шум сбежались зеваки и, естественно, Гром, который уже настроился на драку.

— Это ты, — воскликнул Адриан, подойдя ближе к эпицентру вишнёвого буйства. — Парень, который меня спас от камня.

Гром, мгновенно сменивший выражение лица с воинственного на своё классическое — дружелюбное, — протянул руку.

— Здорово, я Гром Бартоломью, — сказал он. — Спасибо от всех нас.

— Кай, — немного зажато ответил любитель исчезать и появляться в нужный и не совсем момент. — Кай Терн.

Ива улыбнулась. Тихо. Цветок в её волосах чуть раскрылся.

Лиза смотрела на Кая с интересом, будто оценивала его.

— Пойдём с нами, — сказал Адриан. — За стол. Ты весь в соке.

Кай окинул взглядом компанию, как будто сканируя и взвешивая ответ. Перед ним стоял огромный Гром, из-за внушительной спины которого выглядывали две девушки — рыжая, с вызовом и хитринкой в глазах, и блондинка, весь вид которой излучал любопытство. Плюс этот неудачно попавшийся навстречу паренёк с лёгкой паникой в глазах, даже когда на губах улыбка, и во главе всей компании — наследник старого рода, о котором Кай когда-то слышал, но никаких подробностей не запомнил.

Кай отвёл взгляд.

— Не могу, — сказал он. — Спешу. Правда.

Он посмотрел на Адриана.

— В другой раз. Обязательно.

Он шагнул в сторону и — исчез, как будто шагнув в невидимую дверь.

Гром посмотрел ему вслед.

— Странный он.

— Ничего удивительного, — сказал Адриан. — Ты на нас посмотри.

Лиза фыркнула.

— Особенно на Тимоти с вишнёвым цветом лица.

Засмеялись все, и даже Тимоти, смирившийся с тем, что только что стал объектом пристального внимания огромной толпы, сменил цвет лица на обычный, слегка бледноватый, и веселился со всеми.

После обеда Адриан пошёл к западной башне. Он решил последовать совету Мор и проверить записи того времени, когда пропал его дед.

Западная башня была старой и казалась темнее остальных. Почерневшие от времени каменные стены, обвитые мёртвым плющом, и крутая лестница, которая могла объяснить любое исчезновение сломанными ногами спускающегося по ней.

Адриан толкнул тяжёлую дубовую дверь, ведущую в архив и подвальные помещения. Она открылась с таким скрипом, что казалось — весь Вельгард был в курсе его передвижений.

Внутри его встретила темнота. Длинный спуск по винтовой лестнице под тусклым светом редких светильников усиливал напряжение от всего происходящего, ведь в архив без крайней надобности не совались даже преподаватели.

Он спускался долго. Ступени скрипели под ногами. Где-то капала вода. Пахло не пылью, а чем-то другим — сладковатым, затхлым.

Дверь в конце лестницы оказалась приоткрыта, и сквозь узкую щель пробивалась тонкая полоска желтоватого света.

Адриан толкнул её и шагнул внутрь.

Комната тонула в полумраке, и единственным источником света служила одинокая свеча на массивном столе. За столом сидел человек. Он был настолько худ, что казался высохшим, а его серая, натянутая, как пергамент, кожа обтягивала острые скулы и длинные, костлявые пальцы, неподвижно лежавшие на столешнице. Длинные седые волосы, спутанные и похожие на старую паутину, падали на лицо, но не могли скрыть глаз — серых, пустых и невероятно усталых.

По каменным стенам ползали пауки. Их было много: больших, чёрных. Они замерли, словно чувствуя чужака, и все как один уставились на Адриана.

— Я... я ищу информацию, — выдавил он, и голос его предательски дрогнул.

Человек не ответил. Он лишь медленно перевернул страницу лежавшей перед ним книги.

— О своём деде. Об Аластере Вельме, — добавил Адриан.

— Очень интересно, — прохрипел старик. — И для чего же тебе информация об этом человеке?

Адриан, поборов первые приступы страха, отвечал уже более уверенно:

— Мне нужно понять, что тогда произошло, и как это предотвратить.

Пауки на стенах замерли, словно ожидая реакции хозяина. Человек поднял руку, и его костлявые пальцы с тихим щелчком рассекли тишину.

Из тени, которая, казалось, сгустилась у самого стола, вышла женщина с уставшими глазами и лампой в руках.

— Марта. Принеси мои записи касательно Аластера Вельма, — произнёс Архивариус.

Женщина молча кивнула и растворилась в темноте коридора.

Адриан остался стоять, чувствуя, как от холодного сырого воздуха у него начинает зябнуть спина. И в этот момент он заметил, что взгляд Архивариуса сместился. Старик смотрел не на его лицо, а чуть ниже — туда, где под расстёгнутым воротом рубашки виднелась тонкая цепочка.

— Что это у тебя? — спросил он. Его голос был сухим и шелестящим, как страницы древнего фолианта.

Адриан инстинктивно прикрыл грудь рукой.

— Ничего. Семейная реликвия.

— Покажи.

Это был не приказ. Скорее, просьба, но в ней было столько скрытой силы, что Адриан не смог отказать. Он нехотя расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, снял цепочку через голову и положил перстень на каменную столешницу перед Архивариусом.

Тяжёлое серебро глухо звякнуло о камень.

Архивариус наклонился ближе. Пламя свечи задрожало, отбрасывая на его изрезанное морщинами лицо длинные, пляшущие тени. Он не прикоснулся к кольцу, словно боялся обжечься. Просто смотрел.

Адриан тоже посмотрел на перстень, как будто видел его впервые.

На плоской, потемневшей от времени площадке печатки был выгравирован профиль мужчины. Не короля в короне, не воина в доспехах, а простого человека с длинными, спадающими на плечи волосами и суровым, усталым лицом. Его черты были стёрты веками, но взгляд — тяжёлый, устремлённый в вечность — всё ещё читался в тёмном серебре.

Но самое странное было не в профиле. Рядом с ним, на свободном пространстве площадки, темнело крошечное пятнышко. Оно не было вырезано, как остальная гравировка. Казалось, будто в металл вплавили каплю застывшей крови или крошечный тёмный рубин. Она не потускнела от времени и не стёрлась, а наоборот, вбирала в себя тусклый свет

свечи, отчего металл вокруг неё казался почти живым.

Словно это была не просто картинка, а незаживающая рана, запечатанная в серебре.

Старик смотрел на эту каплю долго. Его длинные, костлявые пальцы, лежавшие на столе, чуть заметно дрогнули, словно он из последних сил сдерживался, чтобы не коснуться металла.

Прошло несколько долгих секунд. В подвале было так тихо, что Адриан слышал, как капает вода где-то в глубине коридоров.

— Значит, вот как, — тихо, почти неслышно пробормотал старик. — Тюремщик вернулся.

— Что? — Адриан шагнул вперёд. — О чём вы?

Архивариус медленно выпрямился. Его пустые серые глаза снова стали непроницаемыми.

— Красивая вещь, — сказал он ровно, словно и не было этих слов про тюремщика. — Старое серебро. Стёрлось, но всё это добавляет ему благородства. Носи его с гордостью.

Он подтолкнул перстень обратно к Адриану, касаясь только цепочки, будто опасаясь прикоснуться к самому перстню.

— Но не всем стоит видеть эту вещь, — добавил он, и в его голосе послышалась угроза. — И не все оценят её по достоинству.

Адриан забрал кольцо. Металл снова был тёплым, как будто ничего не произошло.

— Вы знаете, что это? — спросил он. — Вы знаете, кто

изображён на гербе?

— Я знаю много всего, — глаза старика сверкнули. — Но не всё, что я знаю, должно стать твоим знанием... пока.

Он замолчал, и в этот момент из темноты вернулась Марта. В руках — толстая тетрадь. Пыльная. Старая. Кожаный переплёт. Она положила её на стол и открыла на нужной странице.

— Хелвараг, — сказала она тихо. — Ещё что-нибудь?

Адриан замер.

Хелвараг!

Это имя... он его знал. Слышал раньше, в детстве.

Мать строго-настрого запрещала ему спускаться в подвалы: «Не ходи туда. Там живёт Хелвараг». Нянька, пытаясь уложить его спать, пугала: «Если будешь плохо себя вести, Хелвараг придёт ночью и заберёт тебя». А в старых, пыльных книгах из библиотеки отца, которые Адриан читал тайком при свете свечи, было написано ещё страшнее: «Хелвараг — король пауков. Он живёт в самом низу, в темноте, и пьёт кровь непослушных детей».

Адриан всегда думал, что это просто сказки. Страшилки, которыми взрослые любят пугать малышню. Вымысел.

Но сейчас он стоял здесь, в этом сыром подвале, и десятки чёрных пауков действительно смотрели на него со стен.

Архивариус медленно поднял глаза. Впервые за всё время он посмотрел прямо на Адриана.

— Ты знаешь это имя, — произнёс он. Это был не вопрос,

а констатация факта.

Адриан сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле.

— В детстве рассказывали.

— Страшилки? — в уголке губ старика мелькнула тень усмешки. Или это была просто судорога?

— Да.

— И ты боялся?

— Все боялись, — честно ответил Адриан.

— А сейчас?

Адриан посмотрел на пауков, замерших на стенах. На Хелварага с его пустыми серыми глазами. На толстую тетрадь, лежащую на столе.

— Нет, — сказал он. И это была правда.

Хелвараг смотрел на него долго, словно пытаясь заглянуть в самую душу. А затем его сухие губы тронула едва заметная улыбка.

— Читай, — сказал он и подтолкнул тетрадь к Адриану.

Адриан наклонился над тетрадью. Почерк — сухой и ровный — был красив и аккуратен, несмотря на внешность его обладателя.

«Год третий от конца обучения Аластера Вельма. Странные исчезновения. Опять. Первый исчез в октябре. Студент третьего курса. С Разрушения. Не нашли».

«Второй — через неделю. Студентка с Природы. Не нашли».

«Третий. Четвёртый. Пятый».

Адриан читал строчку за строчкой. Двенадцать имён. Двенадцать исчезновений. За один год.

Потом — запись от декабря.

«Нашли тело. Студент с Разрушения. Мёртв три дня. На стене — имя. Написано кровью. Вельм».

Адриана от волнения бил озноб. Он перечитал три раза. Ничего не изменилось. Имя на стене. Кровью.

«Подозрение пало на Аластера Вельма. Студента пятого курса. Последний из рода».

«Он всё отрицал. Но доказательств не было. Ни за, ни против».

«В январе он исчез. Четырнадцатая жертва за год».

«Официально: спрятался, чтобы избежать правосудия».

«Неофициально: истину не знает никто».

Адриан закрыл тетрадь. Его руки дрожали, а в горле стоял ком, но он заставил себя сделать глубокий вдох.

И тогда он почувствовал это.

Что-то маленькое и тёплое коснулось его плеча. Адриан медленно повернул голову и замер: на его плече сидел маленький чёрный паук. Он не двигался, просто смотрел на Адриана своими крошечными глазками, словно чего-то ждал.

Адриан не решился пошевелиться.

Хелвараг перевёл взгляд на паука и задержал его там надолго.

— Он как будто знает тебя, — тихо произнёс Архивариус.

— Откуда? — выдохнул Адриан, стараясь не шевелить плечом.

— Не знаю. — Хелвараг медленно покачал головой. — Он редко выходит к незнакомцам.

Паук просидел на плече Адриана всё то время, пока он читал записи. А затем, словно закончив свои дела, неспешно пополз вверх по невидимой паутине, возвращаясь к стене.

Хелвараг смотрел на Адриана, и пауки на стенах замерли, внимая каждому слову своего хозяина.

— Ты знал? — спросил Адриан, кивнув на тетрадь. — Обо всём этом?

— Знал, — ответил старик без тени сомнения.

— А причины? Куда делись все эти люди? Кто за всем этим стоит?

— Ты пока не готов к этому.

В подвале повисла тяжёлая пауза, прерываемая лишь редким капаньем воды где-то в глубине коридоров.

— Почему вы тогда показали мне это? — наконец спросил Адриан, чувствуя, как внутри разгорается глухая злость. — Зачем дали прочитать, если всё равно не собираетесь ничего объяснять?

Хелвараг смотрел на него долго, словно решая, достоин ли он ответа.

— Потому что ты — Вельм. И ты должен знать правду, но всему своё время.

— Какую правду? — Адриан шагнул вперёд. — Ту, что

мой дед — убийца? Или ту, что мой род проклят?

— Что истину не знает никто, — перебил его Хелвараг. — Ни я, ни преподаватели, ни студенты. Но её знал твой дед и кто-то ещё, о ком даже я не знаю. И этот кто-то до сих пор находится в стенах академии.

Адриан замолчал, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— И ещё, — Хелвараг медленно поднялся со своего места. Пауки на стенах ожили, задвигались, словно приветствуя его. — Только тебе решать, чем станет твоя фамилия: проклятием или даром.

Он щёлкнул пальцами, и из тени снова вышла Марта, держа в руках лампу.

— Проводи господина Вельма, — приказал Хелвараг.

Он ушёл, неспешно шаркая ногами, оставив Адриана наедине с пауками, тетрадью и кучей новых вопросов.

Марта молча проводила Адриана до подножия винтовой лестницы. В её руках тускло горела лампа, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени.

— Будьте осторожны, господин, — сказала она тихо, передавая лампу Адриану. — Здесь крутые ступеньки.

Она ушла, бесшумно растворившись в темноте, словно её здесь никогда и не было.

Адриан поднялся по скрипучим ступеням и вышел в коридор первого этажа. Здесь было пусто и тихо, но едва он сделал несколько шагов, как его окликнули.

— Вельм.

Он обернулся.

В коридоре стояла Мариэль Дюваль — безупречная, как всегда, в своём тёмно-синем платье, с тугой косой и ледяным взглядом серых глаз. А за её спиной возвышались двое. Один светловолосый — Себастьян, если память не изменяла, — улыбка которого была насквозь пропитана ядом собственного превосходства. И второй — темноволосый, молчаливый парень, чей внимательный взгляд, казалось, видел Адриана насквозь. Он просто стоял и смотрел. А вот его имени Адриан не помнил.

— Вы были у архивариуса, — произнесла Мариэль. Это был не вопрос, а утверждение.

Адриан напрягся, чувствуя, как лампа в его руке стала предательски тяжёлой.

— Откуда вы знаете?

— Я слежу за всеми, — напомнила она. — Или вы уже забыли?

Себастьян издал короткий, презрительный смешок.

— Вельм, — протянул он громко, с явным удовольствием. — Последний из рода. Решил спуститься в подвалы? И не побрезговал? Там же пауки, грязь и тьма.

Адриан ничего не ответил, лишь крепче сжал ручку лампы.

— Себастьян, — оборвала его Мариэль. Голос её был тихим, но в нём прозвучала такая сталь, что парень мгновенно

замолчал и отступил на шаг.

Второй спутник Мариэль по-прежнему не проронил ни слова. Он просто смотрел на Адриана, и в этом взгляде было что-то изучающее, словно он пытался запомнить каждую черту его лица.

— Вы искали информацию о своём деде, — продолжила Мариэль, вновь поворачиваясь к Адриану. — Об Аластере Вельме.

Адриан замер, чувствуя, как внутри всё сжимается от напряжения.

— Откуда...

— Я знаю много всего, — перебила она. — Но не всё. Пока.

Она смотрела на него долго, и в её ледяных глазах промелькнуло что-то похожее на любопытство.

— Хелвараг вас не выгнал, — сказала она наконец.

Адриан промолчал.

— Интересно, — протянула Мариэль, и в её голосе послышалась странная задумчивость. — Он выгоняет всех первокурсников. Даже меня. А вас — нет. Это очень любопытно. Я надеюсь, вы нашли ответы на свои вопросы.

Она отвернулась, и её платье тихо зашелестело по каменным плитам.

— Пойдёмте, — бросила она через плечо своей свите. — Нам здесь нечего делать.

Себастьян ещё раз окинул Адриана презрительным взгля-

дом, а затем последовал за своей госпожой. Второй парень задержался на секунду. Он посмотрел на Адриана, и в его глазах не было ни злобы, ни презрения — только тихое, внимательное наблюдение. А затем он развернулся и ушёл следом за остальными.

Адриан остался стоять один в пустом коридоре, слушая, как затихают их шаги, и чувствуя, что этот странный разговор оставил после себя больше вопросов, чем ответов.

Он уже подходил к своему общежитию, надеясь, что внезапных встреч больше не будет, но, как это часто бывает, случилось именно то, чего он больше всего не хотел. Из тени мрачного бука с искривлённым стволом вышел Дориан.

— Что ты здесь делаешь, Вельм? — спросил он.

— Пытаюсь добраться до своей комнаты без приключений, — ответил Адриан, начиная раздражаться от обилия глупых вопросов за сегодня.

— Нет. В академии! Что ты забыл здесь? Ты не принесёшь ничего хорошего в Вельгард, так же как и твои предки. Ты думаешь, что ты — особенный? Что Вельм — это что-то значит?

— Я так не думаю.

— Правильно. — Дориан шагнул вперёд. — Потому что Вельмы — это ничто. Вы — позор академии. Ваш род запятнал себя. И ты — последний из них — куда лучше смотрелся бы в своём полуразвалившемся имении, подальше от нормальных людей!

Адриан сжал кулаки. Но не двинулся.

— Ты что-то знаешь? — спросил он. — О моём роде и предках!

— Я знаю достаточно. — Дориан улыбнулся. — И больше, чем ты. Потому что мой отец — в Совете. А твой — никто.

— Мой отец мёртв.

— Знаю. — Дориан наклонился ближе. — И это — лучшее, что с ним могло случиться. Смерть лучше позора, который лежал бы на нём.

Адриан ударил бы. Правда. Кулак уже сжался. Рука уже пошла вперёд.

Но не дошла.

— О, — сказал голос за спиной. — Драка и без меня.

Рэн вышел из тени так же внезапно, как и появился Дориан. Адриан сделал заметку на будущее, что ему срочно нужен радар для определения потенциально неприятных личностей в радиусе двадцати метров. Рэн улыбался, как всегда, и в его пальцах, словно живая, крутилась уже до боли знакомая тёмная монета.

— Стоун, — протянул он, не глядя на монету. — Ты что, забыл, где находишься? Это коридор академии, а не поле боя. И уж точно не плац, где твой папаша гонял тебя строевым шагом.

Дориан медленно выпрямился, словно его застали за чем-то постыдным.

— Рейвен, — процедил он сквозь зубы. — Я не с тобой

разговариваю.

— Знаю, — Рэн усмехнулся, и монета замерла в его пальцах. — Но я с тобой. Потому что ты — первокурсник, а я — твой куратор. И если ты ещё раз будешь приставать к студентам с глупыми умозаключениями, я с большим удовольствием расскажу твоему отцу, как ты на прошлой неделе проиграл дуэль студенту с Иллюзий.

Дориан побледнел, и его кулаки непроизвольно сжались.

— Откуда ты...

— Я знаю всё, — Рэн подмигнул, и монета снова закрутилась в его руке. — А теперь иди. И не позорь фамилию.

Дориан посмотрел на Адриана долгим, полным злобы взглядом.

— Мы ещё поговорим, Вельм, — бросил он и быстро зашагал прочь, не оглядываясь.

Адриан выдохнул, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает, и разжал кулаки.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. — Рэн посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, и монета в его пальцах крутилась всё так же лениво. — Стоун — сын члена Совета. Его отец — серьёзный человек. Но сам Дориан — пустышка, по крайней мере пока. Запомни это.

Он развернулся и направился к лестнице, убирая монету в карман.

— Рэн, — окликнул его Адриан.

Тот обернулся.

— Почему вы мне помогаете?

Рэн смотрел на него долго, и улыбка на его лице погасла, уступив место чему-то более серьёзному.

— Не каждый рискнёт врезать куратору по лицу, — наконец сказал он, потирая синяк на скуле. — И остаться после этого в живых. И я не очень люблю солдафонов вроде его отца.

Он исчез в темноте лестницы так же бесшумно, как и появился. Адриан остался стоять один в пустом коридоре, чувствуя, что этот вечер оставил после себя слишком много вопросов.

Вечером Адриан собрал Лизу, Грома и Тимоти в гостиной, чтобы поделиться тем, что узнал в архиве.

Он рассказал им всё. О старых записях. О двенадцати исчезнувших студентах. О теле, найденном в декабре, и об имени «Вельм», написанном кровью на стене. О том, что его дед стал четырнадцатой жертвой — и главным подозреваемым.

Гром выслушал его молча, и его огромные кулаки непроизвольно сжались.

— Это ложь, — сказал он, когда Адриан закончил. — Твоего деда подставили. Я знаю, так бывает. Люди боятся того, чего не понимают, а когда находят имя на стене, им проще поверить в самое плохое. Но это не так. Я тебе верю.

Он говорил искренне, от всего сердца, желая утешить друга. Но в его словах не было правды — он не знал её. Он просто хотел, чтобы всё было хорошо.

Лиза слушала молча, хмуря брови.

— Двенадцать человек, — задумчиво произнесла она. — Тело. Имя на стене. Это не просто так. Здесь что-то есть, и я собираюсь это выяснить.

Она не верила ни в вину, ни в невиновность Вельма-старшего. Она просто хотела знать правду. И она будет копать, расспрашивать и искать, пока не докопается до сути.

Тимоти сидел тихо, бледный как полотно. Он явно что-то чувствовал.

— Адриан, — сказал он наконец, поднимая на него глаза. — Когда ты рассказывал это... я чувствовал твои эмоции. Волнение. Страх. И... жажду.

— Жажду? — не понял Адриан.

— Жажду знаний. — Тимоти смотрел на него не отрываясь. — Как будто ты хотел узнать больше. Ещё больше. Как будто эта история затягивает тебя, и ты не можешь остановиться.

Адриан замер, переваривая его слова. В памяти всплыли голоса из прошлого. Мать говорила о деде: «Он искал что-то. Что именно — не говорил». А старуха-нянька, когда Адриан был совсем маленьким, часто повторяла: «Он был жаден до истины. Не до денег, не до власти. До знания».

Адриан посмотрел на Тимоти. По-другому.

«Может, это не просто любопытство? — подумал он, и от этой мысли по спине пробежал холодок. — Может, это — то же проклятие? Или — дар?»